

Всеобщая стачка

1906, источник: М. Корн "Революционный Синдикализм и Анархизм; Борьба с Капиталом и Властью; и др", - СПб-М.: Голос Труда, 1920. Настоящий доклад появился впервые в печати под псевдонимом „М. Изидина“.

Вопрос о всеобщей стачке, который еще так недавно обходила молчанием почти вся социалистическая литература, за исключением анархической, в последние годы выступил на первый план во всей Европе. Это случилось благодаря развитию в революционном направлении профессиональных рабочих союзов, которые теперь играют все большую роль в социалистическом движении и постепенно отодвигают на задний план парламентские социалистические партии. На всех интернациональных и национальных конгрессах, социал-демократии приходится обсуждать этот вопрос, от которого еще так недавно она отделялась известной фразой: „Всеобщая стачка есть всеобщая бессмыслица“; а последний международный конгресс (амстердамский) признал, хотя и неохотно, всеобщую стачку допустимым орудием борьбы.

В России идея всеобщей стачки выросла с удивительной быстротой. Еще каких-нибудь 5-6 лет тому назад заговорить о ней значило заговорить на каком-то чужом, непонятном ни для кого языке. Можно ли думать, говорили нам, о подобном средстве борьбы в стране, где даже самая мелкая стачка — преступление, и существующий правительственный строй делает невозможным движение, требующее открытой и широкой пропаганды, необычайной предварительной организации, замечательного единства действия. На деле оказалось, однако, что как только русское рабочее движение выросло настолько, что почувствовало свою силу, вышло на улицу, оно приняло всеобщую стачку как самое лучшее, самое верное средство борьбы. Первым крупным движением этого рода были южнорусские стачки 1903 года; затем грандиозная стачечная волна прокатилась по всей России после 9 января; наконец октябрьское движение 1905 г., приостановив экономическую жизнь столиц и оторвав Россию от всего остального мира, оказалось, по высоте революционного настроения и по своему могуществу, самым знаменательным из протекших до сих пор моментов русской революции. Этому движению удалось сделать то, чего не могла достигнуть ни идейная пропаганда, ни всеобщая ненависть к господствующему политическому строю, ни полувековая борьба революционеров, ни героизм террористических актов: правительство сдалось, оно оказалось бессильным перед напором всеобщей стачки. Ценны здесь для нас, конечно не сами уступки, а тот путь, которым они были достигнуты. Специально рабочее орудие борьбы — стачка — до сих пор служившее лишь для завоевания отдельных частичных улучшений, поднялось здесь на высоту средства борьбы с целым режимом; эту борьбу целиком вынесли на себе рабочие; как рабочие, силою давления своих профессиональных организаций, они добыли свободу печати, завоевали себе захватным порядком право собраний и свободу слова и показали путь, каким придется бороться и в будущем. Всеобщая стачка и захватный порядок — два тактические приема близкие анархическому мирозозерцанию — были именно в России проведены в жизнь полнее, чем

где бы то ни было.

Отрицать силу и значение всеобщей стачки после такого опыта — невозможно. Но этого мало: необходимо выяснить, под какими лозунгами идет и может идти борьба, как организуется она, к каким результатам приводит. Социал-демократия, признав в резолюции Амстердамского конгресса всеобщую, или, по принятой формулировке, „массовую" стачку пригодным орудием борьбы, вместе с тем поспешила заявить, что ее „массовая стачка" не есть „всеобщая стачка" анархистов. В чем же различие, и что понимаем под всеобщей стачкой мы?

Идея всеобщей стачки — идея не новая. Она возникла в Западной Европе в процессе рабочей борьбы, той стачечной борьбы, которая всегда была одной из главных форм протеста рабочего класса против капиталистического гнета. Стачки более или менее обширные и революционные, велись во всех странах по различным поводам и с разными целями — экономическими и политическими, профессиональными и общими.

Но одна черта объединяла все эти движения: они спланивали рабочих, противопоставляя их буржуазии, как одно солидарное целое, наглядно показывали деление общества на трудящихся и не трудящихся, на производителей и паразитов. В этом — социалистическое значение стачечной борьбы. На ней рабочие научились сознавать свое могущество и смотреть вперед, уже не только на улучшение своего положения, но и на свое полное освобождение. Сорок лет тому назад, Интернационал явился выразителем этих стремлений и провозгласил два великие принципа: международную солидарность и рабочую самостоятельность. Вместе с тем сейчас же заговорили о всеобщей стачке. Вопрос был поднят сначала на Брюссельском конгрессе (1868 г.), затем более подробно разбирался на Женевском конгрессе 1873 года, уже после раскола в Ассоциации; отметим, что поставила и обсуждала его именно федералистическая часть Интернационала, та, во главе которой стояла знаменитая Юрская федерация. В последующие годы, однако, мы не видим дальнейшего развития этой идеи, как не видим и попыток ее практического осуществления. Причина этого, с одной стороны — общая реакция, охватившая Европу после поражения Коммуны, с другой — то направление (тоже реакция в социализме), которое приняло рабочее движение. В предыдущие годы, целый ряд революционных движений вызвал много перемен в политическом строе европейских стран: были завоеваны, где республика, где всеобщее избирательное право, где другие политические реформы. Среди социалистов возникло и укрепилось направление, возлагавшее на эти новые учреждения все надежды; рабочие — как у нас теперь — еще не имели случая в них разочароваться. Принцип рабочей солидарности был забыт, а с ним была оставлена и мысль о всеобщей стачке. Парламентаризм и легальная политика надолго отвлекли внимание от чисто-рабочих способов борьбы.

О всеобщей стачке вспомнили больше 16 лет спустя, когда в 1885-87 г. г. в Америке поднялось сильное движение в пользу 8-ми часового рабочего дня. Это было именно то движение, которое послужило началом первомайских манифестаций, и мы не можем не напомнить всем, кто теперь принимает участие в демонстрациях 1-го мая, что за него поплатились жизнью наши товарищи-анархисты, повешенные в Чикаго 11 ноября 1887 г. — Вскоре мысль о всеобщей стачке перенеслась в Европу и быстро стала приобретать себе

сторонников, особенно среди французских рабочих. Вместе с тем, по мере того, как над ней стали задумываться, изменился и самый взгляд на нее: из средства достижения уменьшения рабочего времени, увеличения заработной платы и т. под., она стала в глазах рабочих, средством *полного освобождения* рабочего класса.

В 1888 году во Франции происходил съезд рабочих союзов; на нем в первый раз вопрос о всеобщей стачке был поставлен и разрешен именно в этом смысле. На следующих конгрессах, в 1892 и 1893 гг., он снова обсуждался; прения были очень горячие, новая идея встретила сильный отпор в социал-демократических рядах. Решительным моментом был съезд 1894 года, в Нанте: обе партии выставили самые убедительные аргументы, самых лучших своих ораторов; весь съезд был поглощен этим вопросом. Наконец идея всеобщей стачки была окончательно признана, и с тех пор стала лозунгом французского рабочего движения, основною чертою того течения, которое в последние годы приняло название „революционного синдикализма“.

***

Как всякая новая идея, однако, всеобщая стачка не сразу приняла во взглядах наших западно-европейских товарищей ту форму, в которой мы находим ее теперь. Вопросы выяснялись мало-помалу. Много заблуждений отошло в вечность. Практика стачек, частных и общих, дала ряд указаний и помогла разрешить вопрос о том, чем может быть и как может произойти всеобщая стачка. Во первых, что такое всеобщая стачка? Неужели ждать, пока все рабочие всей страны бросят работу? Практика показала, что это совершенно лишнее, что при наличности горючего материала в рабочей среде достаточно приостановки одной какой нибудь отрасли, важной для общего хода экономической жизни. Особенно грозными оказывались всегда стачки железнодорожных и портовых рабочих и служащих; не даром правительства (во Франции, в Италии, в Голландии и т. д.) пытались и пытаются внести такие законы, которые бы предотвратили эти стачки, или путем полного запрещения их, или путем призыва железнодорожников на военную службу в момент стачки,, или путем замены стачечников солдатами. В России зверские правительственные убийства на железнодорожных линиях, карательные поезда, постоянная посылка войск на станции — лучшие свидетели панического страха, внушаемого железнодорожной стачкой. Кроме того, всякая стачка, охватившая какую нибудь важную отрасль промышленности, неизбежно ведет к приостановке работ в других отраслях с нею связанных и заставляет бастовать поневоле целую массу рабочих. Это — один из путей расширения стачки; другой — самый существенный — вытекает из накопившегося недовольства, из заразительности примера, из духа рабочей солидарности. Быстрота и легкость, с какою рабочим в России удавалось во время стачки снимать работавших, закрывать фабрики и мастерские и в несколько часов остановить жизнь любого промышленного центра, служат лучшим доказательством того, что для успеха стачки вовсе не нужно, чтобы к движению заранее примкнули все рабочие.

Вопрос о предварительной организации всеобщей стачки, об управлении ею, о декретировании ее в определенный момент, — тоже один из важнейших, в практическом отношении вопросов. Относительно его существует, в России в особенности, много заблуждений и предрассудков; Россия еще имеет мало опыта в массовых революционных

движениях и русские деятели склонны придавать преувеличенное значение решениям тех или иных партийных организаций, забывая, что жизнь партии и жизнь массового движения следуют совершенно различным законам. Вот почему стачки декретированные никогда не удавались, а те которые возникали стихийно, принимали неожиданно широкие размеры и разрастались в грандиозные революционные движения. В самом деле, как развивается обыкновенно стачка, когда она становится всеобщей? Начинают бастовать по какому нибудь поводу рабочие одного завода или одной мастерской; затем, если настроение боевое, их требования поддерживают рабочие других заводов, попутно выставя и свои. Стачка разрастается, питаясь сопротивлением хозяев и начинающимися правительственными репрессиями. Начинаются собрания, демонстрации, возникают „стачки из солидарности" в других отраслях. Если движение идет достаточно быстро и подъем духа силен, рабочие закрывают все, что еще работает, стачка становится всеобщей. В этот момент город, — а иногда и целый ряд городов — фактически во власти рабочих. Это — самый решительный, самый критический момент движения; от него зависит вся судьба его. И вот во взгляде на этот-то момент мы решительнее всего расходимся с социалистами государственниками всех фракций.

Самый важный вопрос в это время: останется ли всеобщая стачка мирной: „стачкой со сложенными руками", или же станет революционной, перейдет в наступление? Мы отвечаем: чтобы движение быстро не пошло на убыль, этот второй шаг необходим. Наш ответ вполне сходится с тем, какой дают французские рабочие, лучше всех других разработавшие вопрос о возможном характере, и исходе всеобщей стачки. Вот что говорится, например, в одной брошюре Пеллутье [1], одного из самых видных деятелей рабочих союзов во Франции: „Всеобщая стачка не будет движением мирным, потому что если бы даже такое движение было возможно, оно не привело бы ни к чему. Если говорить о том, у кого будет больше средств, то преимущество всегда останется на стороне богатых; победить деньги может только сила. Иногда говорят, что рабочие могут сделать себе запасы заранее; но ведь буржуазия может сделать это еще легче! Допустим, однако, что с обеих сторон окажется одинаковое количество запасов. Ну, а когда они выйдут, что тогда? Представьте себе такую сцену: с одной стороны — буржуа, с другой — рабочие, все — голодные, а между ними в бездействии, все средства производства, т. е. путь к тому, чтобы утолить свой голод.... Допустим даже, что буржуа уступят первые. Чего же потребуют от них рабочие? Полного отречения? Тогда, раз уж погибать, буржуа предпочтут попытаться счастья в борьбе, и всеобщая стачка превратится в революцию. Но возможно, что рабочие потребуют только некоторых уступок..., но тогда через, несколько лет, та же история возобновится: Нет, я говорю прямо, что всеобщая стачка, "это —революция".

Брошюра Пеллутье была написана лет 8-9 тому назад, и вот что говорилось в 1900 году на съезде французских рабочих организаций в Париже:

“ „Если вы стремитесь ко всеобщей стачке, говорит один делегат, вы должны подумать о том, что последует за нею, о роли рабочих после победы. Нужно например, чтобы булочники знали, сколько хлеба нужно напечь для данной местности, какими средствами они для этого располагают и т. д.". „Когда мы провозгласим всеобщую стачку, говорит другой, мы должны будем иметь

смелость сделать ее революционной... Она будет пробуждением рабочей энергии, завоеванием всех орудий производства". Третий объясняет: „Если мы устроим всеобщую стачку, то именно для того, чтобы завладеть средствами производства, чтобы отнять их у имущих классов, которые, конечно, не захотят отдать их добровольно. Нужно, поэтому чтобы всеобщая стачка приняла революционный характер; к этому ее приведут, впрочем, сами события". Тот же взгляд проводится и в ряде статей о всеобщей стачке, помещенных в сборнике „Всеобщая стачка и социализм", изданном года полтора тому назад Лагарделем [2]. Перед Амстердамским конгрессом редакция журнала „Mouvement Socialiste", издаваемого им, разослала видным деятелям социализма и рабочего движения ряд вопросов относительно их понимания всеобщей стачки. Ответы социал-демократов выражают, или совершенно отрицательное отношение к ней, или крайне суживают ее задачу; ответ представителей рабочих организаций, особенно французских, носят обратный характер. Вот, между прочим, что говорит Гриффюэль, секретарь Французской Всеобщей Конфедерации Труда: „Всеобщая стачка, в ее современном виде, не является для рабочих простой приостановкой работы: она есть завладение всем общественным богатством, которое будет затем эксплуатироваться корпорациями, в частности синдикатами, в пользу всех..."

Такое понимание всеобщей стачки есть и наше понимание. Оно естественно вытекает из нашей основной точки зрения непосредственной *экономической* революции, непосредственного захвата рабочими всех орудий труда и наличных богатств, — и тесно связано с нею. Вот почему этот взгляд никогда не будет разделяться теми социалистическими партиями, которые идут к социализму через захват власти, и почему между социал-демократическим пониманием всеобщей стачки и нашим всегда будет целая пропасть.

Итак, для нас, всеобщая стачка — разрастающаяся сама собою, стихийно, благодаря боевому настроению рабочей среды, а не декретированная каким-нибудь центральным органом — первый шаг революции, шаг который должен дезорганизовать буржуазные и государственные силы и крайне затруднить для них борьбу. За этим шагом должен последовать второй — экспроприация. Всеобщая стачка, в наших глазах, — слишком могучее средство для достижения политических реформ или частичных улучшений. Когда, хоть на один день, рабочие становятся господами положения, не воспользоваться этим для решительного боя и для решительной победы мы считаем положительно преступным. Пора уже, чтобы рабочие силы и рабочая кровь перестали тратиться даром.

Примечания

1 "Qu'est-ce que la Greve Generale".

2 "La Grave Generate et le Soewlisme".

Версия #1

Зверобой создал 21 февраля 2026 07:38:30

Зверобой обновил 21 февраля 2026 07:41:53